

Боевые геройские награды... Сегодня им нет цены, а в тяжёлые военные годы били фашистов не за ордена – за Родину. И мечтали не о медалях, а о горячем пшеничном хлебе. Ну и, пожалуй, о мешочке махорки. Всё. Вот так выглядело большое счастье маленького человека, простого рядового солдата. Об этом часто говорил мой прадед, Кокин Дмитрий Матвеевич, участник Великой Отечественной войны. Он призвался на фронт в 40 лет. Защищал город Черкассы на Днестре. Поэтому, когда на уроках истории звучит фраза «форсирование Днестра советскими войсками», моё сердце начинает биться чаще...

Орден много. Историй мало. Но и того, что мы знаем об отце моего деда Петра, хватает для слова «герой».

Он был самым старшим из солдат. Восемнадцатилетним юношам (а некоторым и того не было) Дмитрий Матвеевич был и отцом, и матерью. Говорит, многие хотели рубить немчуру, а потом плакали от простого человеческого страха. Мальчишки...

А он никогда не хотел стать героем. Он хотел достроить конюшню, подделать старенькую голландку в избе и сбить деревянную люльку для младшего Петьки. Судьба же распорядилась иначе. Не дала уложить сына в колыбель, но дала выжить и вырастить всех четверых детей. Она часто испытывала на прочность прадеда, который, кстати говоря, обладал далеко не геройским характером. Очень спокойным, рассудительным и неприхотливым был Кокин Дмитрий. А вот сила духа – что глыба. Когда в бане он отказался снять нательный крест, старшина выставил прадеда с одним ковшом в руках в предбанник без дверей. Это было в январе. Сидел на лавке в мороз, пока из бани не ушли. С тех пор ходил с крестом спокойно.

Однажды, на передовой, сидя в блиндаже недалеко от Днестра, молодые солдаты захотели пить. Вот она вода, близко. Даже видно как мелькают блестящие хвосты карасей. Близок локоть, да не укусишь. Укусят фашисты на другом берегу. Да так укусят, что мало не покажется. Сразу вспомнила я Гоголя: «Редкая птица долетит до середины Днестра...» Рукой фашист не достанет, а вот автоматом попробует. Поэтому выйти к берегу означало сходить за своей пулей. Посмотрел Дмитрий Матвеевич на своих «детей» да и говорит: «Я пойду. Уж пожил маленько, сорок лет как. Ребятишек своих видал. А вы только от мамкиной юбки. Чего уж там...» Взял две фляги и пошёл.

Ох, и вкусной же показалась ему эта вода! Напился, набрал фляги, оглянулся... нет блиндажа. И уже нет ни одного живого парня. Попала немецкая мина ровно посередке. «Вот тебе и судьба, да?», - говорит мне дед Пётр, которому как раз не досталась отцовская люлька. Вот так тихо и как будто совсем не по-геройски решил мой прадед даже не испытать судьбу, а пойти к реке в полной уверенности, что назад пути уже нет.

В 1944 году Дмитрию сильно повредило кисть левой руки, почти полгода не мог встать из-за серьёзного ранения в левое бедро и левую руку. На людях держался, а по ночам плакал»

А тут ещё и голод подошёл. Никогда в селе хорошо не ели, но после «Всё для фронта, всё для Победы!» стало совсем невмоготу. И всё же лучше, чем в больших городах.

Щедрая деревенская земля не дала семье Кокиных умереть от голода.

Матвей Дмитриевич всегда был очень скромным человеком. Все юбилейные награды ему передавала почтальонка: он не ездил на награждения, стеснялся своей хромоты, да и вообще... Всегда жил своим трудом, чистым сердцем, а ещё верой. После пережитого голода в его семье около икон всегда лежал кусок хлеба. Прадед всегда сменял его на свежий ломоть. Кусок хлеба стал для него самым большим богатством, за которое можно ежедневно благодарить Бога.

У меня всего одно, да и то очень смутное воспоминание, связанное с прадедом. Раннее детство помнишь какими-то яркими короткими эпизодами, в которых на одну секунду задерживаются цвета, звуки, запахи...

...Мне лет семь. Я в красном пальто стою у ограды на сельском кладбище. Пахнет весной и прелой древесиной. От пронзительного крика грачей закрадывается в моё детское сердце какая-то непонятная тоска... Взрослые спешно разворачивают газетные кулёчки с колбасой и яйцами. Наверное, это был день поминовения усопших после Пасхи, потому что вся наша семья вместе с прадедом посещала могилы его братьев, убитых на фронте. Приехали в этот день и городские родственники... Прадед такой старенький, что его уже водят под руки. Он плачет, приговаривая: «Маруся, Маруся!» Я не знаю Марусю. Я увидела около старого тополя ржавую звезду и подумала, что, наверное, это звезда с новогодней ёлки, тем более, рядом лежат еловые ветви...

Потом сын увёз старенького деда в город. Совсем скоро Дмитрий Матвеевич умер в больнице. Я всегда знала о нём, писала сочинения, гордилась прадедом. А сейчас, взрослея, пропускаю жизнь его через душу и понимаю, что всё это значит. Это значит, что я не успела прикоснуться к сухонькой руке прадеда и погладить её. Не успела поводить его по родным могилкам, нежно придерживая под локоть. Да и много чего не успела, но речь не обо мне.

Он ушёл. Вся его жизнь была одним большим нравственным подвигом. С глубокой верой в сердце он не боялся смерти. Обычно храбрятся в бою романтично настроенные на войну юные ребята, «орлы»! Им хочется геройства, красивых историй... А когда тебе за сорок, дома остались жена, четверо детей, тогда, пожалуй, задумаешься над смыслом своей жизни. Наверное, смысл жизни для прадеда был не только в хозяйстве, да только кто об этом знал?

У него были ордена и медали. А мы даже не знали историй этих наград. Родственники видели их очень редко. И только сейчас я понимаю, что настоящее геройство – такое. Не показное, а спрятанное от людских глаз и разговоров. И ничего ему не было нужно. На его столике (даже в больнице) всегда стояли икона Пресвятой Богородицы,

эмалированная кружечка и кусок хлеба. Хлеба, которым он так мечтал наесться. Хоть разок. Досыта.

ДАРЬЯ КОКИНА